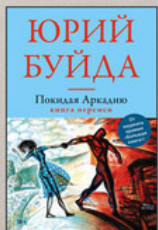

Юрий Буйда

Девушка с юга

Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен

Юрий Васильевич Буйда

Девушка с юга

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21179981

Буйда, Юрий Васильевич. Покидая Аркадию. Книга перемен : роман:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

Аннотация

«...Старик наткнулся на девушку в овраге – она спала под кустом орешника, на спине, широко раскинув ноги и руки. В лесу так не спят. В лесу спят иначе – сидя или на боку, а если и на спине, то недолго. А девушка спала долго, лежала совершенно неподвижно, как мертвая или пьяная. Но от нее пахло не алкоголем...»

Юрий Буйда

Девушка с юга

Старик наткнулся на девушку в овраге – она спала под кустом орешника, на спине, широко раскинув ноги и руки. В лесу так не спят. В лесу спят иначе – сидя или на боку, а если и на спине, то недолго. А девушка спала долго, лежала совершенно неподвижно, как мертвая или пьяная. Но от нее пахло не алкоголем, а крепким потом. Чужая, подумал старик. Илья Ильич Абаринов знал в округе всех женщин – в девяти случаях из десяти это были ветхие старухи. А этой лет семнадцать-восемнадцать. Может, меньше. Она не была похожа на москвичку, приехавшую погостить у бабушки. Городские не умеют спать в лесу. А эта спала крепким сном, не обращая внимания на черных крупных муравьев, сновавших по ее лицу, шее, рукам. Пятки у нее были черные, растрескавшиеся – долго шла босиком. Одета не пойми во что, похоже скорее на мешок, чем на платье.

Девушка вдруг открыла глаза, села, почесалась – запах пота усилился – и посмотрела в ту сторону, где под корягой притаился старик с ружьем. Потянула носом – как зверь, подумал Илья Ильич, – и вскочила. В руках у нее был небольшой узелок, который, видимо, лежал в высокой траве. Старик опустил голову, а когда поднял, девушки на поляне не было. В той стороне, где она скрылась, птичьи голоса на

несколько мгновений затихли...

Через час он ее нашел. Она напала на малинник и принялась поедать ягоды жадно, без разбора, зеленые и спелые. Потом напилась из ручья, встав на четвереньки. Потом встретила косуленка, протянула руку, но он бросился от нее наутек, как от хищного зверя. Потом присела за кустом, чтобы опростаться, а узелок положила рядом.

Она шла на северо-восток, прихрамывая и редко огибая препятствия, напрямиком через муравьиные кучи, вброд через ручьи и речушки, иногда по пояс в крапиве, босиком по колючкам, напролом через бурелом, и когда выбиралась на солнечную поляну, то казалось, что девушка вся охвачена дымным пламенем, а за нею тянется шлейфом запах гари – запах беды и горя, и хотя это чувство было неопределенным, смутным, оно беспокоило старика все сильнее...

Вскоре после полудня она вышла к озеру, спрятала узелок под кустом и не раздеваясь бухнулась в воду. Плавать она, похоже, не умела – барахталась на мелководье. Искушавшись, вылезла на берег, взяла узелок и направилась к хутору – его гонтовые крыши виднелись за деревьями.

Старик опередил ее.

Девушка остановилась, увидев Абаринова, который сидел на крыльце, и уставилась на карабин, лежавший у старика на коленях.

От нее разило потом – Илья Ильич за два метра чувствовал ее запах.

– Чего надо? – спросил он.

– Ничего, – ответила она хриплым голосом.

– Ладно, – сказал он. – Но ты воняешь.

Она кивнула.

– Надо тебе в баню...

Девушка снова кивнула.

Она не выглядела испуганной – скорее равнодушной. Может быть, от усталости.

– Давно идешь? – спросил старик.

– Давно.

– Что там у тебя?

Он кивнул на узелок.

– Голова.

Девушка подняла узелок повыше.

– Чья?

– Папина.

– Тухлая, что ли?

– Нет, – сказала она. – Я ее в капустные листья завернула.

А теперь она сухая, больше не пахнет.

– Ладно, – сказал старик. – В дом с этим нельзя. Сиди здесь.

Она села на скамейку рядом с крыльцом, положила рядом с собой узелок.

Илья Ильич вынес ей бутерброд с маслом.

– Один живешь? – спросила девушка.

– Ешь.

Часа через два он разбудил ее – она спала сидя – и сказал, что баня готова.

В предбаннике девушка скинула с себя мешок – под ним ничего не было, положила узелок в углу и шагнула в парную. Старик велел ей подойти к окну, чтобы ее можно было хорошо разглядеть. Она встала у маленького окна. Невысокая, стриженная наголо, с маленькой грудью, сильными ногами, широкими бедрами, на спине перекрещивающиеся шрамы, на ягодице след от ожога.

– Как тебя зовут?

– Лона, – сказала она. – Илона.

Старик фыркнул.

– Мойся. Потом обедать будем.

После бани Илья Ильич выдал девушке сандалии, ситцевое платье и расческу. А узелок с головой отца велел отнести в подпол, на ледник.

За стол сели, когда солнце стало клониться к закату.

Старик разлил по граненым стаканам самогон.

– Со знакомством, – сказал он.

Она кивнула, выпила самогон и набросилась на еду.

Когда девушка насытилась, старик спросил, откуда она и чьих будет.

– С юга, – сказала она. – Папа был механиком, мама фельдшером. Их убили. Я одна осталась, жила там, пока было можно, потом ушла.

– Пешком?

– И на попутках.

– Кто убил? Свои? Черные?

– Убили.

– А шрамы на спине откуда?

– Били.

Илья Ильич снова налил в стаканы самогона.

– Пей, – сказал он. – Спать пора.

В спальне девушка сняла платье, посмотрела в угол.

– А икона где? – спросила она.

– Нету, – сказал Илья Ильич. – Сколько тебе? Лет – сколько?

– Шестнадцать. Скоро шестнадцать.

– Ложись.

Она легла, широко развела ноги, согнув в коленях.

– На живот, – сказал Илья Ильич, снимая штаны и не глядя на девушку.

Она послушно перевернулась, прижалась щекой к подушке и приподняла задницу.

На следующий день Илья Ильич показал Лоне усадьбу.

Заборов здесь не было: поблизости уже лет пятнадцать никто не жил – несколько заброшенных домов в лесу вросли в землю и покрылись мхом, а дорога, соединявшая с ближайшей деревней, превратилась в тропку, едва различимую в высокой траве.

Весной старик вскапывал пять-шесть грядок под зелень, рядом сажал картошку. Держал несколько ульев, двух сви-

ней, десятка два кур, полтора десятка кроликов, иногда заводил бычка. Летом ловил сетью рыбу – в озере водились лещ, плотва, окунь. Гнал самогон, выращивал табак, хотя курил мало. В просторных кладовых и в погребе висели окорока в холщовых мешках, стояли бочки с солониной и квашеной капустой. Азартным охотником он не был, но зимой всегда держал ружье под рукой: волки бродили вокруг усадьбы, были, пугали скотину. Раз два в месяц выкатывал из сарая мотоцикл с коляской и отправлялся за покупками в Даево, большое село с церковью и школой, лежавшее километрах в пятнадцати от хутора. Возвращался с солью, сахаром, мукой и порохом.

Друзей у него не было, гостей не звал, в Бога не верил.

– Понятно, – сказала девушка. – А там что?

Метрах в ста от хутора стоял довольно крепкий сарай, сложенный из бревен, строение без окон, запертое на большой замок. Вокруг сарая были навалены кучи отбросов, над которыми гудели мухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.